ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Мы живем во времена, изобилующие религиозной литературой как никакие другие. Художественные произведения христианских классиков и пастырское слово известных проповедников, учебные пособия для духовных школ и научные труды на богословские и церковно-исторические темы, увлекательная мемуарная литература и брошюры, освещающие насущные духовные проблемы новейшего времени, — все это сегодня широко издается, доступно верующему человеку и способно удовлетворить любой читательский вкус. Но надо признать, что при всем изобилии, при всем разнообразии книжного ассортимента есть такие повествования, которые никогда не потеряют своего значения, благодатной силы и новизны. *Присно-юными*, читающимися каждый раз как впервые называет святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем вступлении к «Отечнику» тексты о жизни и подвигах подвижников и их мудрые поучения.

Другое дело, что современный читатель, привыкший существовать в условиях больших скоростей и информационной перенасыщенности, постепенно утрачивает интерес к работе над книгой, к неспешному и вдумчивому вхождению в ее материал, подчас непростому, требующему времени и нравственных усилий. В погоне за злободневным и увлекательным, довольствуясь яркими, но зачастую поверхностными и скороспелыми осмыслениями, мы рискуем не то что пройти мимо, но даже и не заметить те заветные тропы, которые способны приблизить нас к тонкому и прекрасному миру Православия и обогатить наши сердца.

Предлагаемое нашим издательством **«Житие оптинского старца Макария»** — книга, способная не только указать на эти потаенные тропы, но и провести по ним. Обладая неоспоримыми литературными достоинствами, данный агиографический труд является вместе с тем достоверным историческим источником своей эпохи.

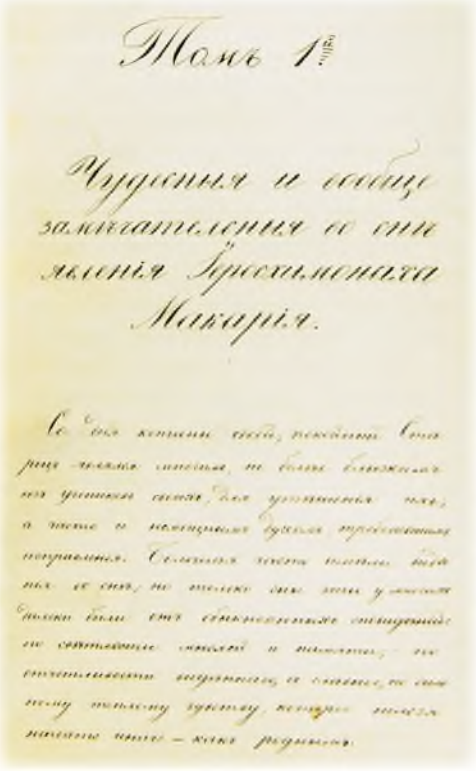
Первое жизнеописание своего великого Аввы оптинцы готовили еще при жизни старца: уже тогда было вполне очевидно, что свидетельства о подвигах и дарованиях преподобного и его обширная переписка, поражающая своей аскетической глубиной, по праву займут место в мировой сокровищнице святоотеческого наследия. С 1859 года серьезную работу над жизнеописанием и подбор необходимых материалов начинает иеромонах Леонид (Кавелин) — один из ближайших учеников старца, историк и агиограф, будущий наместник Троице-Сергиевой лавры. Уже в 1861 году было опубликовано «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария», которое впоследствии легло в основу труда схиархимандрита Агапита (Беловидова) — автора этой книги, о котором пойдет речь ниже.

Что же представляла собой Оптина пустынь в девятнадцатом столетии и какую роль в ее небывалом духовном взлете сыграл старец Макарий?

Время его старчествования именуется *золотым веком* Оптины: преподобный воспитал целую плеяду учеников, составивших славу русского монашества. Можно смело предположить, что, не случись рядом с первопроходцем — преподобным Львом (Наголкиным) — равновеликого ему подвижника, традиция старческого окормления могла бы не получить своего развития. Прозорливому основателю оптинской духовной традиции предстоял тяжкий труд по преодолению внешних препятствий и немалые скорби от гонений и наветов, неизбежных при всех великих начинаниях, но все могло завершиться так, как

и во многих других монастырях: время от времени то в одной, то в другой обители появлялись отдельные выдающиеся иноки, но ни о каком духовном преемстве и расцвете монастыря речи не было. Преподобные Лев и Макарий, восприемники аскетической школы духовного гения, преподобного Паисия (Величковского), осваивали «науку из наук» под руководством его непосредственных учеников, и для оптинцев, среди которых не все вполне понимали значение старчества, приход в Оптину отца Макария оказал решающее влияние на положительную перемену в их сознании.

Преподобный Макарий поступил в Оптину уже сложившимся подвижником. До этого он свыше двадцати трех лет подвизался в Площанской пустыни, исполнял обязанности благочинного и пользовался уважением как в совершенстве знающий богослужебный устав и сведущий в святоотеческих писаниях. К тому же старец долгое время являлся духовником Севской женской обители. Его имя уже было известно, и к нему, как к опытному наставнику, обращались за духовным окормлением и монашествующие, и миряне. Отец Макарий, как истинный подвижник, прежде всего отличался глубоким смирением. Сам перевод старца из Площанской пустыни в Оптину проходил в духе терпеливого и кроткого ожидания воли Божией, и когда прошение о переводе было удовлетворено, преподобный принял это с тем спокойным упованием, с каким принял бы и отказ. Желание его провести остаток своего жизненного пути в повиновении старцу Льву — свидетельство того, насколько дорожил подвижник той духовной куплей, которая совершается в аскетике только при посредстве наставника.


Томъ 1-й

Чудесныя и вообще замѣчательныя во снѣ явленія Іеросхимонаха Макарія.

Рукописные материалы к жизнеописанию старца Макария. 1860-е годы. ОР РГБ

Надо ли упоминать, что пример такого самоотречения оказался для оптинцев убедительнее всяких слов? Старец Лев и сам высоко чтил преподобного Макария, подчас прямо указывал на его святость и, конечно, не считал его учеником. Жизнеописание правдиво упоминает несколько случаев достаточно сурового обращения старца Льва с преподобным Макарием, но поскольку это носило прилюдный характер и было общеизвестной смиряющей манерой преподобного Льва, то понятно, что подобное обращение преследовало дидактические цели не столько в отношении кроткого старца, сколько в отношении окружающих.

СКАЗАНІЕ
О
ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ
БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ
СТАРЦА ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
ІЕРОСХИМОНАХА МАКАРІЯ,
ОНОЙ ЖЕ ПУСТЫНИ З. А.
МОСКВА
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1861.

Титульный лист первого опубликованного жизнеописания старца Макария. 1861

Еще при жизни старца Льва его сподвижник преподобный Макарий начал старчествовать, являлся братским духовником, а в 1839 году был поставлен скитоначальником. После кончины преподобного Льва, последовавшей в 1841 году, бремя старческого окормления монастыря, скита и множества богомольцев целиком и полностью легло на плечи его преемника, и как не жалел себя ради помощи людям великий Лев, так не жалел себя впоследствии и преподобный Макарий.

В Оптину пустынь наряду с иноками и простонародьем за духовным назиданием шло дворянство и российская интеллигенция: литераторы и политики, философы и богословы; все они находили здесь душевную пользу и, соприкасаясь с благодатным старцем, открывали для себя красоту Православия. Именно в период старческого служения преподобного Макария началась духовно-просветительская деятельность монастыря. Выдающиеся умы своего времени, такие как И. В. Киреевский, ставили духовную мудрость отца Макария выше мудрости гениальных сынов века сего и в итоге становились апологетами веры среди соотечественников, инфицированных человекобожием — гуманистическим идеалом Запада.

В Оптину, поступая в число насельников обители, начали стекаться люди образованные, из которых со временем сложился костяк замечательных переводчиков, историков и агиографов. Преподобный Амвросий (Гренков), будущий архиепископ Иувеналий (Половцев), архимандрит Леонид (Кавелин), монах Порфирий (Григоров) и многие другие талантливые иноки — все они много потрудились под руководством старца Макария в деле духовного просвещения. Жизнеописание говорит, что у оптинских переводчиков «не было недостатка в усердии, но… если кто и чувствовал по временам изнеможение, то отнюдь не старец — старец был неутомим»: он трудился не жалея своих сил и трепетно боялся упустить тончайший оттенок духовного смысла переводимых текстов. В итоге Оптина познакомила русского читателя с именем преподобного Паисия (Величковского), сделала доступными многие сочинения выдающихся аскетов древности и обогатила отечественную христианскую литературу не только переведенными со славянского известными житиями святых, но и творениями собственных агиографов.

Но как бы ни был велик объем книгоиздательских трудов, сколько бы сил ни отнимало духовное окормление приходящих к нему богомольцев, основной заботой старца оставалось воспитание иноков. Этой стороне его деятельности в «Житии» посвящены, пожалуй, одни из самых интересных глав, которые, с одной стороны, дают классические для агиографических текстов нравственные уроки, а с другой — являются правдивым, неприукрашенным историческим свидетельством.

Братия открывали прозорливому наставнику свои сердца, а он, как знающий тончайшие движения души и уклонения помыслов, прилагал к внутренним язвам своих подопечных потребный каждому пластырь. Жизнеописание повествует о том, как старец прилюдно «пробрал» будущую славу Оптиной, преподобного

Анатолия — тогда еще молодого послушника Алексея Зерцалова. Начинающий подвижник поведал старцу о похвале, какую получил от самого святителя Игнатия (Брянчанинова), и, оберегая послушника от превозношения, старец Макарий вернул его на путь спасительного смиренномудрия через свою строгость.

Однако мудрый старец снисходил человеческой немощи, когда это было действительно необходимо. Очень показательна в этой связи история с иеросхимонахом Платоном (Покровским), поведанная в жизнеописании подробно и с любовью. Отца Платона, в ту пору еще рясофорного монаха, отличали нерешительность и слабое произволение к иноческой жизни, и старец, как «добрая богобоязненная няня», входил в его нужды и переживания, поддерживая брата то лаской, то добрым вразумлением. Надо ли говорить, какой благодарностью и любовью к своему чуткому старцу исполнялись сердца его подопечных!

Сама нравственная обстановка в обители при старце Макарии была настолько гармоничной, естественной и здоровой, что это с восхищением отмечали даже светские посетители монастыря. Так, известный в то время духовный писатель, богослов и историк А. Н. Муравьев писал в своем очерке «Оптина пустынь»: «Я не видал напряженного изъявления монашеского послушания пред его (преподобного Макария) лицом в частых земных поклонах, не всегда искренних… напротив, все открыто смотрели ему в глаза, потому что у них не было на сердце ничего для него тайного, изъявляя, однако, глубокое перед ним уважение в каждом слове и действии… но все это было совершенно просто, так что казалось, что он обращался в кругу своего семейства…» В этой открытой, живой и лишенной подобострастия атмосфере и созидали свои душевные храмины оптинские иноки.

Когда преподобный тяжело заболел перед кончиной, страдания его явили для братии еще одно свидетельство святости старца, который продолжал,

испытывая сильные мучения, прилежно выслушивать положенное молитвенное правило и славословить Бога. Особенно показательны в связи с предсмертными страданиями преподобного Макария воспоминания многолетнего его лекаря Ивана Львовича Плетнера — человека, не принадлежавшего к Православию и, судя по всему, все восемнадцать лет знакомства со старцем воспринимавшего его как заурядного пациента. Его врачебная ошибка значительно усугубила страдания больного. И вот, потрясенный кротостью преподобного, нимало не возымевшего на него неудовольствия, потрясенный и тем, что многие годы он даже и не подозревал, какого внутреннего мужества и терпения исполнен его пациент, доктор заключает: «Только теперь могу сказать, что я видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел… Вот как трудно видеть совершенство, а достигнуть до совершенства, я думал, не в натуре человека».

Старец скончался в 1860 году накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы и был погребен близ могилы своего сподвижника и наставника старца Льва. В 1996 году оба старца были прославлены в лике местночтимых святых Калужской епархии, а в 2000 году — для общецерковного почитания. Мощи святых обретены в 1998 году и ныне покоятся рядом во Владимирском храме Оптиной пустыни.

Андрей Иванович Беловидов — будущий агиограф схиархимандрит Агапит — поступил в Оптину в 1867 году, уже после кончины преподобного Макария. Биографических сведений об отце Агапите сохранилось немного. Известно только, что он был выходцем из семьи канцеляриста Лебедянского духовного правления, окончил полный курс Тамбовской семинарии, а в Оптине имел родного дядю — иеросхимонаха Платона (Покровского), близкого семинарского друга

самого старца Амвросия. Мы можем предположить, что Андрей Иванович пришел в Оптину с серьезной внутренней установкой; судя по отсутствию каких-либо личных воспоминаний, переданных изустно, он не был охотником поговорить о себе и настрой имел подвижнический и самоуглубленный. Не случайно по прошествии недолгого времени его определили письмоводителем к преподобному Амвросию, и вскоре молодой инок получил благословение старца на составление жизнеописания затворника Илариона Троекуровского… Позднее выйдут в свет и другие работы отца Агапита и, конечно, жизнеописание и самого старца Амвросия — один из лучших агиографических трудов того времени, а возможно, и самый лучший.

Окормляясь у преемника и ученика старца Макария, преподобного Амвросия, питаясь духом добрых монастырских традиций, отец Агапит в особой оптинской атмосфере развил и свою врожденную писательскую интуицию. Его перо отличают простота, скромность, духовное рассуждение, глубокое знание святоотеческого наследия и в то же время пристальный интерес к душе человека, уважение к его индивидуальным особенностям, снисходительность и терпимость, отличающие людей великодушных, мужественных и опытных.

В 2010 году издательством Оптиной пустыни был выпущен еще один труд схиархимандрита Агапита — «Жизнеописания почивших скитян» — емкие и духовно содержательные портреты усопшей братии. Составленные в начале XX века по благословению оптинского скитоначальника старца Варсонофия, сегодня эти записи представляют собой достоверный исторический источник, позволяющий лучше узнать внутренний уклад жизни насельников Иоанно-Предтеченского скита и передающий удивительный духовный аромат давно ушедшей Оптины.

Схиархимандрит Агапит прожил долгую, насыщенную трудами жизнь. Он занимал настоятельскую

должность в Лихвинском Покровском Добром монастыре, после — в Мещовском Георгиевском, являлся благочинным половины монастырей Калужской епархии, имел учеников, а в годы пребывания на покое в родной Оптине был духовником для многих братий. Снова поселился в оптинском скиту отец Агапит в 1897 году, когда по болезни оставил должность епархиального благочинного и вернулся в родную обитель. Тем, кто знал его в эти годы, он запомнился высоким белобородым старцем, одетым в белую рясу и опирающимся на белый же костыль. Впрочем, болезнь ног не позволяла отцу Агапиту обходиться без постоянного медицинского присмотра, и в 1906 году он был вынужден покинуть скит, где создавал когда-то свои первые агиографические очерки, и перебраться в монастырскую больницу.

После известных драматических событий в Оптине в начале двадцатого столетия и отъезда старца Варсонофия в Старо-Голутвин монастырь в 1912 году выбор старшей братии пал на схиархимандрита Агапита: именно он должен был стать следующим скитоначальником и старцем. Однако отец Агапит отказался старчествовать — так же, как неоднократно отказывался перед этим от архиерейства: видимо, бремя общественного служения он почитал высшим своих сил.

Примерно в начале столетия отец Агапит принялся за кропотливый труд над собранными материалами к подробному жизнеописанию старца Макария. В скитской летописи 11 сентября 1901 года рукою старца Варсонофия записано, что для составления «нового, более

Фотографий архимандрита Агапита не сохранилось. Однако с высокой степенью вероятности можно предположить, что на этой фотографии 1910 года среди братий Оптиной пустыни на самом верху в белом подряснике присутствует отец Агапит

полного жизнеописания старца отца Макария… материалы переданы отцу архимандриту Агапиту». Автор «Жития» располагал всем обилием собранных монастырем материалов, из которых, как свидетельствует архив Оптиной пустыни, использовал далеко не все. Изучение неиспользованных материалов показывает, насколько строго подходили оптинцы к подобной работе, что может служить примером для многих современных авторов. Язык жизнеописания, со всей свойственной автору-иноку сдержанностью, строгостью и отсутствием елейной стилизации, позволяет вполне ощутить веяние живой, благодатной атмосферы золотого века Оптиной пустыни, этого исключительного по своему духовному значению русского монастыря.

При подготовке публикации использовалось «Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария» — совместное издание Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавры и издательства «Отчий дом» 1997 года; «Житие оптинского старца Макария» иеромонаха Леонида (Кавелина), изданное Оптиной пустынью в 1995 году; архивные материалы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: «Собственноручные записки скитоначальника Оптиной пустыни иеросхимонаха Анатолия» (ОР РГБ. Ф. 214. Опт.–298), скитская летопись (ОР РГБ. Ф. 213. Опт.–359, 360, 361, 367) и другие, а также материалы из Государственного архива Калужской области.

Текст незначительно адаптирован и по возможности приближен к современной орфографии и снабжен редакторскими комментариями.